

ревью

ВИЗИТ

**“мы, финны,
все немножко
сумасшедшие”**

Теро Сааринен — Газете

Теро Сааринен изобрел свой собственный «финско-японский» танец. За что его поместили на обложку журнала «Finnish Dance»

Впервые в Москве в рамках Международного театрального фестиваля им. А.П. Чехова показывает свой спектакль известный финский танцовщик и хореограф Теро Сааринен. Самый яркий представитель финского современного танца смешивает в своих спектаклях не только языки, но и культуры. Над спектаклем «Ветер» кроме финнов трудились артисты из Японии и Сенегала. С Теро Саариненом встретилась корреспондент Газеты Ольга Гердт.

Руководители международного фестиваля современного танца в Вильнюсе, где вы только что выступали, рассказывали, что они очень долго за вами охотились... Три года. Это из-за гастрольных поездок нашей труппы. Но фестиваль, он занимает определенное время, а до и вокруг фестиваля так много всего происходит.

Вы начинали карьеру как классический танцовщик...

Да, с Финским национальным балетом — шесть лет я там проработал. У меня были сольные партии, но все-таки репертуар для меня был ограниченным, и я начал работать сам на себя, готовить соло. И постепенно понял, что мне надо выходить за рамки балета. Я отправился учиться в Японию, в Непал, потом работал в Германии, Швейцарии и потихоньку начал формировать собственную компанию — Toothpick.

Если не ошибаюсь, на русский язык ее название переводится как «Зубочистка»?

Да-да. Я вначале подумал, что это должно быть что-то вроде рок-банды: такой компании нужно было какое-нибудь ненормальное название. А зубочистка — очень практичная вещь: она у всех на виду и в то же время не очень престижная. Сочетание этих качеств и дало название. Потом моя труппа начала расти, и мы переросли это хулиганское название. Я подумал: «Зачем мне зубочистка, когда у меня есть собственное имя»? И теперь мы называемся Terо Saarinen Company.

В команде остались те же люди?

Да, всего несколько человек прибавилось. Здесь, в Москве, вы увидите семь человек из моей компании плюс девять музыкантов из Японии и двух участников проекта из Сенегала.

Почему вы решили пригласить японцев?

С композитором, который написал музыку к «Ветру», мы познакомились, когда я еще учился в Японии танцу. Мы поговорили и решили, что было бы хорошо что-то сделать вместе. И вот с 1996 года в течение трех лет мы эту идею обсуждали. Теперь он приехал в Москву. «Ветер» — самый большой спектакль в репертуаре нашей компании.

У нас говорят: «Запад есть Запад, Восток есть Восток». В том смысле, что смешивать разные культуры небезопасно. Совместная продукция часто имеет взрывной характер. Но это может быть и очень интересно. Мы решили смешать три «ветра»: южный (это Сенегал), восточный и западный. Мне кажется, смешение ветров дало хороший результат.

В Японии вы изучали танец буюто и традиционные виды театра, но и кабуки. Что вас, европейца, толкнуло в эту сторону?

Танец буюто помогает исследовать, изучать человеческое тело. Он как бы препарировает его, разрезает на части. Тело становится мятым, внешне некрасивым, но это меня как раз и интересовало. Потому что балет предполагает, что вы как бы взлетаете вверх. Это что-то вроде кушак. А я выбрал нечто прямо противоположное — ты как бы опускаешься вниз и изучаешь все свои некрасивости. Я думаю, что мой стиль — это слияние трех традиций: балетной классики, буюто и современного танца. В итоге получается мой собственный «финско-японский» танец.

А у финского современного танца есть свои национальные особенности?

Я думаю, мы больше других стремимся к визуальности. Свет, костюмы, визуальные эффекты имеют большое значение. Но единого направления нет, все очень разные. Впрочем, один аспект я могу выделить: все финны немножко «крези». К тому же, я считаю, что мы изолированная страна — сами в себе варимся, вот и получается, что у нас какие-то собственные тенденции появляются.

Все финские танцовщики, которых вы видели, немножко шаманы. Такие новые северные шаманы. Есть немного?

О да, конечно. Мы очень тесно связаны с нашей природой. А природа в Финляндии дикая. Вот и мы немножко дикие. И драматичные. И это тоже характеристики финской природы: резкие контрасты в температуре, в свете.

Балет и современный танец действительно перестают быть альтернативными системами, как это было в двадцатом веке? Это общая тенденция или ваш индивидуальный опыт?

Я не могу назвать себя ни классиком, ни модернистом, я просто все смешиваю, и получается мой собственный стиль. Ваши коллеги иногда очень любят разграничивать — ты либо классик, либо современник. Но когда я делаю вещь в стиле contemporary, мне очень интересно взять из балета его классическую линию.

Ваш сольный спектакль «Охота» на музыку Стравинского многие называют современным вариантом «Умиряющего лебедя».

Да, тема одна и та же: как умирает красота. «Умиряющий лебедь» — это метафора, и я переложил ее на нашу природу (показывает пальцами рожки — то ли оленя, то ли улитки), чтобы показать сам процесс угасания живого существа. На моих зверей тоже кто-то охотится, как охотились на лебедя. Заломленные руки и в «Умиряющем лебедь», и в моем перформансе — символ умирания.

Несколько вещей для вас поставила легендарная Каролин Карлсон. Как случилось, что вы начали работать вместе?

О, я ее давно встретил. В середине восьмидесятых, она была тогда хореографом Финского балета. Потом, когда я уже жил в Париже, она спросила меня: «Не хочешь участвовать в моей постановке?» Я согласился, и потом она делала вещи только на меня. Иногда мы вместе были в турне и работали соло: один вечер — она, один вечер — я. Карлсон считают американкой, живет и работает она во Франции, но у нее финские корни — ее дедушка и бабушка из Финляндии.

Вы не просто танцовщик, вы танцующий хореограф. Когда на вас ставят другие — вы подчиняетесь или сами что-то сочиняете?

Все происходит очень либерально. Я подчиняюсь полностью. Я как бы освобождаюсь от собственного хореографического мышления. И мне это нравится.

Вам 39 лет. Для классического танцовщика это серьезная проблема. А для танцовщика Буюто — вроде как и не возраст. Как вы для себя будете решать эту проблему?

Хороший вопрос. На самом деле я уже думал об этом. Проблемы классического балета я понимаю: там много техники, трудных элементов, поэтому классики должны танцевать молодые. Но я стараюсь продлить свой возраст, поэтому занимаюсь не только балетом. Есть замечательные примеры — та же Каролин Карлсон. Ей шестьдесят, но она в великолепной форме и прекрасно танцует. Я буду продолжать по мере возможностей.